

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ

Татьяна Доронина в роли
Монаховой

За сценой только что раздался выстрел, слышно хлопанье крыльев и шум полета испуганного, потревоженного воронья. «Господа, вы убили человека... Что же вы сделали?» — вырывается из души потрясенного, жалкого и изломанного Монахова. Вдруг изменившийся, как от сильного удара, Цыганов, теряя изысканность манер и молодцеватость, чисто старческим движением прикрывает расстегнутый сюртук; с неуместным эгоистичным криком «О, Егор... это не ты...» — падает в истерике на рояль Анна. Нестройный, рвущий душу аккорд. За окном и в открытые с крыльца двери слышен сильный шум крупного частого дождя.

Так кончается спектакль Большого драматического театра имени М. Горького «Варвары» (постановка лауреата Ленинской премии, народного артиста СССР Г. А. Товстоногова, режиссер Р. А. Сирота, художник В. Л. Степанов).

Таким тройным трагическим аккомпанементом печали сопровождает театр уход из жизни Надежды Монаховой. В нем не только боль за бессмысленную гибель человека вообще, в нем боль за человека, щедро одаренного внешней и душевной красотой, человека сильного и цельного, незаурядного и красивого. Такой и играет Надежду Монахову молодая артистка Татьяна Доронина.

Этот образ 28-летней русской женщины, мечтающей в глуши уездного города России о сильной настоящей любви «на всю жизнь», — один из сложнейших горьковских образов. Вероятно, именно поэтому его сценическая история знает различные толкования, подчас противоположные.

Монахову — реальную женщину, провинциальную мешанку, иногда нелепую и смешную — исполнительницы стремились или облагородить, вырывая из присущей ей среды, или подчеркивали в ней лишь страстность натуры, не воссоздавая душевного мира, что упрощало и обедняло этот масштабный образ.

Что собой представляет Надежда, зритель спектакля Большого драматического театра понимает не сразу.

Среди многочисленных обитателей города Верхополя и приезжих инженеров уже в первом действии выделяется жена акцизного надзирателя Надежда Монахова — артистка Доронина.

Эта высокая, необычно и красиво причесанная женщина с испанским гребнем в волосах внутренне собранная, натянута, как струна. «А я жду их, как праздника...», — говорит она о будущих строителях железной дороги Верхополя. В ней ожидание чего-то необычного, чего еще никогда не было в ее жизни, но чего она ждет давно и тоскливо. Поэтому на слова Богаевской «а ты только язык чешешь», она отвечает коротким, но очень серьезным «положите», которое в устах Дорониной звучит многообещающе и настораживает.

Вместе с тем в Монаховой—Дорониной понятно то неумение правильно задать вопрос, которым наделил ее автор, и подчеркнутое умение приседать, и отсутствие чувства меры в туалетах, выявляющее в ее вкусе легкий налет провинциализма. Туалеты Монаховой удачны, они яркие, радостные, передающие светлое, ясное мироощущение Надежды и вместе с тем подчеркивающие некоторые излишествами — оборочками, кулончиками и т. д. — налет мешанского вкуса, присущего провинциальному быту.

У М. Горького первая встреча Надежды с Черкуном бессловесна. В спектакле БДТ Доронина молча делает движение к Черкуну, совпадающее с его словами, обращенными к Лидии («Все, что я вижу, — сразу нравится или не нравится мне»). Монахова говорит своим движением: «И мне тоже... и я так думаю, думаю так же твердо и определенно». Монахова — Доронина подчеркивает, что она тоже человек определенных вкусов и идеалов.

Старуха Богаевская считает Монахову глупой. Зритель вместе с ней смеется здесь над Надеждой, но не над ее глупостью, а скорее над ее необыкновенной простотой.

О своем уме Надежда сама говорит дважды и совершенно определенно: «Всяк по-своему умен» и «У меня очень большой ум...». Если играть Монахову человеком, который чисто интуитивно ставит кардинальные вопросы жизни, поисков идеала, смысла жизни и отвечает на них без компромисса, как человек исключительной цельности, то тогда станет ясно, что Монахова действительно умна.

Впервые этот большой ум своей героини раскрывается артисткой в той естественности и простоте, с которой она рассказывает о «здесь-них мужчинах», называя их «полумертвыми».

Что идеал Монаховой—Дорониной не просто «отличный мужчина», а мужчина, обладающий определенными героическими чертами, было ясно еще до встречи ее с Черкуном. Ведь у Горького Надежда хочет видеть своего героя «верхами, в латах, в плащах». Надежде — Дорониной эта героизация также необходима. И когда этот «герой» появился, несмотря на некоторую сомнамбуличность, ма-

ниакальность и силу земного, плотского к Черкуну чувства с «первого взгляда», она продолжает искать в Черкуне черты, соответствующие ее идеалу. Интерес к нему Монаховой—Дорониной, увлеченность им, сила любви к нему увеличиваются по мере того, как проявляются такие его качества, как храбрость, мужество, правдивость. Именно поэтому сцена 3-го акта — столкновение Черкуна и Надежды — становится одной из центральных и сильных в спектакле. В ответ на возмущенно сказанные слова Черкуна: «Он — как лужа грязи, в которую наступили ногой... ваш су-пруг... Я удивляюсь, как вам не стыдно терпеть около себя такого пошляка!», — Надежда — Доронина перекрывая силой убеждения и голо-сом его фразу, отвечает восторженно: «Как вы это сказали!.. как верно... строго!»

Доронина очень точно передает юмор, заложенный в характере Надежды. Артистка ни на минуту не забывает о той мешанской, подчас нелепой раме, в которую, как редкая картина, заключена душа Надежды с ее одержимостью одной страстью — любовью, бескомпромиссностью, верой в идеал, надеждой на счастье. Так, например, совсем как восторженная мешаночка говорит она Степе о Черкуне: «Какой прекрасный... храбрый. Как просто... схватил, увел...». Много юмора есть в сценах объяснения с доктором, Цыгановым.

Именно потому, что Надежда—Доронина с самого начала ищет в мужчине героя, развязка оборачивается для нее трагедией души, крушением прекрасной мечты, которую пережить нельзя.

Четвертый акт актриса играет на контрасте ликующего чувства торжествующей любви и глубокого потрясения трагической ошибкой. В ответ на настойчивые признания в любви Цыганова она отвечает, имея в виду Черкуна: «Как вы можете любить, если он не может?»

В письме к Красову М. Горький писал: «В последнем акте она (Монахова) не может сразу поверить в свою ошибку, но, когда она убеждается, что ошиблась, — в этот миг ее сердце умирает». Актриса показывает это наступление внезапной смерти, когда человек еще живет, дышит, двигается, говорит, хотя... он уже мертв.

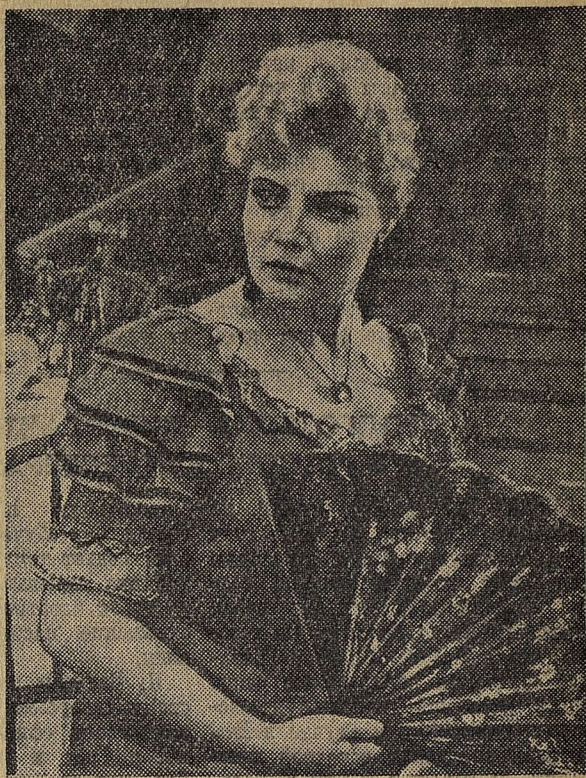
Из хода всего спектакля явствует, что пьеса воспринята театром, как трагикомедия, и роль Надежды — центральная в спектакле — как нельзя лучше несет в себе специфику жанра, органично сочетая трагическое и смешное. В этом органическом единстве, психологически мотивированном, в творческом осмыслении и воплощении режиссерского замысла — секрет успеха артистки Т. Дорониной.

Татьяна Доронина до Большого драматического театра известна ленинградцам по спектаклям Театра имени Ленинского комсомола, где она работала по окончании школы-студии МХАТ. В том театре она сыграла такие роли, как Женя Шульженко («Фабричная девочка»), Оксана («Город на заре»), Леночка («В поисках радости»), Санька («Интервенция»), Ольга («Обломов»), Вава («Маленькая студентка»).

Не все эти роли были сыграны артисткой одинаково интересно, но все они свидетельствовали о несомненной талантливости ее, о приверженности смелой, острой форме, о стремлении к сатирической заостренности образа, наличии превосходного чувства юмора. Однако со временем в работах Дорониной наметилась некоторая опасность однообразия приемов. Раскрытие получал подчас уже не юмор, заложенный в характере персонажа, а юмор ситуации. Острота формы часто превращалась в остроту формы, присущую индивидуальности артистки, а не лицу, которое она изображала. Появилась опасность штампа, а это говорило об остановке в творческом движении и, следовательно, о шаге назад в развитии.

Новая работа Дорониной коренным образом изменила эту тенденцию. Исполнение роли Надежды Монаховой открыло для артистки новую широкую дорогу в область ролей, как казалось, очень далеких от ее творческой индивидуальности, — ролей драматических, ролей трагических. Выявление скрытых возможностей актрисы расширило ее творческий диапазон и обнажило новые краски в даровании Дорониной.

А. ТЕПЕР

Артистка Т. Доронина в роли Надежды Монаховой в спектакле М. Горького «Варвары».

Фото Д. Мовшина

148